

Мерцание светлячков

Рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дюльдина Анастасия

Анастасия Дюльдина
Мерцание светлячков

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дюльдина А. А.

Мерцание светлячков / А. А. Дюльдина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-2259-8

Сборник, состоящий из нескольких рассказов, объединенных одной темой -
смерть главного персонажа. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2259-8

© Дюльдина А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Отныне, без тебя	5
Потому что люблю	12
И наступит тьма	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Отныне, без тебя

Впервые я получил твоё письмо через неделю после похорон.

Это было тяжелое для меня время. Я не мог смириться с твоей утратой, каждый раз стараясь найти твоё лицо в толпе, вглядываясь в каждого прохожего, ища хоть какие-то знакомые черты. Но вновь и вновь меня постигало разочарование, ведь невозможно увидеть того, кто умер...

Мое сердце не хотело биться без тебя, и если бы мог, то я сам бы остановил его в тот самый момент, как замерло твоё. Каждый день был словно ад, из которого невозможно выйти, лишь гореть от невыносимых мук одиночества и горечи утраты. Тебя ведь нет со мной. Я больше не смогу видеть твою улыбку, наслаждаться звуком твоего голоса, слушать, как ты смеёшься, видеть озорные искорки в любимых глазах. И почему только сейчас я понимаю, как ты была дорога для меня? Почему, только потеряв, начинаешь ценить?

В тот день... В тот самый день, когда ты пропала... Мы сильно поругались, и я сказал, что ненавижу тебя, что хочу, чтобы ты исчезла из моей жизни! Боже! Да если бы я только знал, чем все это обернется... Отрезал бы свой проклятый язык! Остановил бы тебя, не пустил за руль этой машины, и ты бы не слетела с дороги.

Кругом одни «если», но только моя вина в том, что тебя нет больше, и это осознание разрывает мое сердце, убивает меня, словно медленный яд. Я не знал, где ты и что с тобой в течение, наверное, нескольких дней. Все это время прозябая в своем номере, наплевав на тренировки, я думал, что ты просто злишься на меня. Непозволительная вольность для спортсмена моего уровня! Знаю, что ты непременно отругала бы меня за подобное, заметив, что я всегда так поступаю – полагаюсь лишь на «авось». Это странное русское слово я никогда не понимал, считая его синонимом какого-то ругательства.

Ты удивительная... Невероятная... И, после того, как мне сообщили о твоей смерти... я просто, наверное, и не поверил сначала. Я пытался осмыслить эту страшную новость, пытался понять, что больше не увижу тебя, не смогу извиниться за свои слова. Я уже больше ничего не смогу сделать. Ничего.

Письмо. Оно свело меня с ума, заставило кричать, пока горло не заболело, а перед глазами не заплясали черные точки. Не хотел, но очень сильно испугал своего брата, который зашел меня проведать. Он долго меня успокаивал, прижимая к себе, а я не мог остановиться – просто кричал, выплескивая наружу всю боль, что копилась эти семь дней. Невыносимо пусто в груди, и эта зияющая дыра росла с каждым днем, угрожая поглотить меня полностью, навсегда заставляя забыть себя.

Да, я страдал. Ужасно страдал. И мне совсем не стыдно признаться в этом, ведь моя боль – это единственное, что еще удерживало меня в этом мире. В мире без тебя. Без твоих глаз. Как же я хотел бы вернуть тебя! Все, что угодно отдал бы за один лишь миг с тобой! И мне представился такой случай. Даже не один.

В номере, который мы с тобой делили, когда приезжали в этот город на соревнования, я нашел твоё письмо. На каждом этапе у нас были свои любимые места, которые принадлежали только нам, и о них никто не знал. И ты не забыла об этом даже после смерти...

За кроватью, под плинтусом, была дыра, которую сотрудники отеля не видели, а, может, просто не спешили ремонтировать. Это и к лучшему, ведь тогда бы ты не смогла передать мне весточку.

Маленький белый конвертик, в котором лежал листок, а на нем крупными буквами выведено лишь несколько слов. На твоём языке. Ты и раньше писала мне, когда приходилось расставаться на довольно долгое время, но всегда писала на английском, прекрасно зная, что твоего родного я не понимаю. Почему же сейчас так? Почему после себя ты оставила только это

письмо, в котором я, по какой-то злой иронии судьбы, ничего не могу понять? Зачем ты так издеваешься надо мной? Почему я вновь и вновь должен переживать твою потерю?

Но, пожалуй, в тот день самым удивительным для меня было даже не получение от тебя письма, а сам факт этого! Когда ты успела сделать это? Когда положила его в это место? И откуда могла предположить, что я туда полезу? Удивительно, но меня тогда словно что-то подтолкнуло – и я вспомнил про это тайное местечко за кроватью. Да, я решил – а почему бы не посмотреть, что там? Неужели почувствовал частичку тебя?

С переводом мне помог твой друг. Не помню его имени, да это и не имеет значения. Я был удивлен, и вновь захотелось кричать, хотелось рыдать, хотелось просто умереть от невыносимой боли, которая по новой вспыхнула в моей душе. Руки дрожали, когда я забирал обратно твое письмо. На вопросительный взгляд ничего не ответил, развернувшись, зашагал обратно в свой номер.

«Вспомни наше место под солнцем»

Я прекрасно помнил это место – на мосту, проходящему через небольшую речушку. Мы часто там гуляли, отдыхая после трудных гонок, просто болтали ни о чем, смеялись, шутили. А еще любили стоять в самом центре моста и смотреть на воду. Молча, слушая только собственное дыхание, да плеск волн, разбивающихся о небольшие камни на берегу реки.

Сердце болезненно сжалось, а воспоминания просочились в воспаленный мозг, нещадно снося хрупкие преграды, что я выстроил за те семь дней без тебя. Но я больше не мог. Просто не было сил терпеть эти муки... Я пошел туда, куда ты позвала. Ведь я очень хотел бы верить, что ты видела меня, как я иду на наше место, как я стою там... один... без тебя. Просто стою, подняв лицо, подставляя его лучам солнца, которое не грело, совсем не грело. Но и здесь мне не найти покоя. Почему это место? И почему я должен был прийти сюда?

Ответ прост – еще одно письмо.

Эта догадка осенила меня, когда я случайно посмотрел на перила. В голове пронеслась яркая вспышка – воспоминание – вот ты стоишь, улыбаешься мне и, перегнувшись через край, да так, что я чуть не поседел в тот момент, указываешь пальцем куда-то. Я за плечо оттаскиваю тебя от края, нахмурившись. Я испугался, что ты можешь упасть в воду и разбиться... Какая жестокая ирония. Именно это и произошло, только значительно позже.

Я так и не посмотрел туда, просто не смог пересилить себя и отогнать ужасное видение твоего падения. А теперь могу. Теперь не боюсь. Хочу.

На выступе лежал кирпич, на котором было высечено сердце – ты это хотела мне показать? Камень? Но я понимаю, что это не в твоём стиле, не может все быть слишком просто, ты бы придумала что-то поинтереснее. Да, определенно, здесь должно быть что-то еще.

Я наклонился. Низко, как только смог, чтобы достать этот булыжник. И не ошибся. Ко дну оказался приклеен еще один лист бумаги, завернутый в прозрачный пакет. Фантазия у тебя всегда работала неплохо, стоит отдать должное.

Вот только... снова слова на твоём языке. Я не могу прочесть. Может, стоит выучить его, чтобы... Да кого я обманываю? Зачем мне теперь это все? Без тебя?! Зачем этот мир, если теперь в нем я одинок. Мне больше никто не нужен, я просто не смогу, не получится. Я умер в тот день вместе с тобой. И этого уже не исправить. Сильное чувство вины мешает думать, мешает продолжать свое жалкое существование.

У меня с собой телефон. И как я раньше не догадался о пользе интернета? Можно ведь воспользоваться переводчиком. Возможно, смысл потеряется, но здесь всего несколько слов, так что...

«Следующий по списку город. Наша любимая песня»

Я понимаю, что теперь не смогу заснуть, вплоть до того дня, как нам нужно будет лететь в следующий город. Ты идеально подготовилась. Заранее зная, в каких местах будут гонки и в каком порядке.

Люблю спорт – в нем есть ты, твои победы и поражения, твой смех и слезы, поддержка и терпение. Мы тренировались вместе, раскатывая лыжи по разбитой трассе, и всегда находили время, чтобы побыть наедине. А ведь это было нелегко, учитывая, что мы из разных команд, да что там – из разных стран! Но преград для нас не было – мы могли преодолеть любое препятствие, ведь все делали вместе...

Глаза нестерпимо жгло от нахлынувших эмоций. Скомкав в руке твою записку, я медленно осел на промерзлую землю. Чувствовал, как по щекам потекли слезы, но не стал их вытирать – это были первые слезы после... после твоего ухода.

На похоронах я не плакал. Просто не мог. Какое-то опустошение было, смешанное со ступором, в который я впал после известия о твоей гибели. Я не мог говорить, не мог изобразить на лице ничего, кроме каменного спокойствия. Ни единый мускул не дрогнул, ничего, кроме холода и отрешенности. И только в тот самый день, найдя твое письмо, я сорвался. Сначала эти крики, наполненные болью, отчаянием, гневом. А теперь эти слезы. Они очищали меня, успокаивали; пусть и ненадолго, но мне стало легче. Впервые я решил, что смогу дышать без тебя, не испытывая при этом чудовищного чувства вины.

Слезы капали на мои ладони, в которых я сжимал частичку тебя – эти строки, написанные твоей рукой, словно дыхание прошлого. Они были напоминанием о тебе. И я не хотел терять ничего, что было бы связано с тобой. Именно поэтому я спрятал измятый листок в карман. Теперь следующая остановка – наша песня. Я знал, что ты хотела сказать этими строчками. Слишком хорошо знал.

Я едва сдерживался, чтобы не улететь сразу, в тот же день. И плевать на гонки, плевать на все, лишь бы прикоснуться к еще одной твоей записке, почувствовать в ладони сухую бумагу, к которой прикасалась ты, ощутить кожей оставшееся после тебя тепло. Бред, знаю, но мне так было легче. Что еще мне оставалось, если не мечтать о том, что, как в фильмах, ты будешь жива – просто ошибка, ужасная и страшная ошибка. А на самом деле ты лежала в другой палате! Да, каждый вечер перед сном я мечтал о том, чтобы все вокруг ошиблись, а я верил бы в твое чудесное спасение!

Наша любимая песня... Я помню ее слишком хорошо, наверное, чтобы когда-нибудь забыть. Я мог бы пропеть все куплеты, даже, если разбудить меня ночью. Ты так танцевала под нее зажигательно, в том самом баре, куда...

Стоп! Тот бар, в следующем городе, принимающем этап. Значит, твое следующее письмо именно в нем? Под нашим столиком? Или ты попросила что-то передать с официантом? Но здесь был бы большой риск, учитывая, что работники могут меняться. Я почему-то решил, что стоит посмотреть именно за тем местом, где мы обычно сидели – отдаленное, относительно тихое, не считая музыки, ну и спрятанное от людских глаз. Нам не хотелось привлекать к себе лишнего внимания, хотелось побыть наедине. Я улыбаюсь, вспомнив, что один раз ты не выдержала и все-таки пустилась в пляс, когда услышала свою любимую песню... которая впоследствии стала и моей любимой.

Я не ошибся. Наш бар работал, а вот официанты были другие. Значит, ты сделала что-то иначе. Может, под столик прикрепила? Быстро направился к нашему месту, сел и заказал кофе. Когда я остался один, то быстро пошарил рукой по дну стола – пусто, ничего. С моих губ готов был сорваться разочарованный стон, ведь только здесь могло находиться твое послание. Нигде больше. Но, если я ошибся, то...

Мой взгляд упал на стену под подоконником, где выделялась маленькая дощечка. Если чуть нажать на нее, то можно попробовать достать. Руки вспотели, а под ложечкой засосало в предвкушении. Значит, ты и на этот раз придумала, как оставить для меня послание? Невероятная фантазия! И в пору бы радоваться, да на душе стало еще тяжелее, ведь сразу приходит осознание, что я уже никогда не смогу порадоваться твоим выдумкам, твоей очередной идее.

Глубоко вздыхаю, протягиваю руку и чуть надавливаю на гладкую поверхность. Убираю дощечку и вглядываюсь в темноту. Там точно что-то есть – белое, маленькое. Конверт! Значит, не ошибся! Все верно рассчитал. Просунув пальцы, нащупываю листок и тяну на себя. В горле тут же пересохло, и мне хочется воды. Простой, холодной и освежающей. Что угодно, лишь бы оттянуть этот момент. Просто хотелось подольше побыть с тобой... Каждый раз, как я беру в руки твое письмо, мне кажется, что ты рядом, а стоит только прочесть, как ты уходишь. Не хочу. Не хочу отпускать!

«Мое сердце в следующем городе. Там, где и твое»

Я знаю. Снова знаю. Камень в виде двух сердец, который мы с тобой окрестили как «наши внутренние моторы». Это тоже было наше с тобой место, найденное чисто случайно, когда мы прогуливались по городу. В одном маленьком переулке, прямо в стене дома, выложенного булыжниками, и был этот камень. Да, довольно странная постройка, вызывающая противоречивые чувства – от благоговейного страха до восхищения архитектором. Интересно, так и было задумано? Или по воле случая сложились черные камни в форме сердца?

Теперь уже не важно. Я знал, что будет моей следующей целью. И снова с нетерпением ожидал перелета.

Разрывающая тишина давит на мои барабанные перепонки. Здесь слишком тихо и уныло, хочется забиться в угол и укрыться руками, но я знал, что все это лишь атмосфера места. Места, где теперь ты лежишь. И куда я могу прийти в любой момент. Здесь я могу поговорить с тобой, увидеть твое улыбающееся лицо на маленькой фотографии, приделанной к бездушному, холодному камню. А на нем выгравировано твое имя, которое мне всегда так нравилось произносить, я мог долго выговаривать его, повторяя вновь и вновь, словно пробуя на вкус.

«Ты будешь со мной?»

«Конечно! Всегда»

Короткие вспышки воспоминаний – болезненных, тяжелых, заставляющих мои плечи опускаться, а руки трястись. Невыносимо. Время не лечит! Ни хера не лечит! И я уже устал от тупой боли в груди, устал от одиночества и желания плакать, кричать, биться в истерике, ненавидеть весь мир. Желание уйти следом за тобой стало просто невыносимым, желание, которому все труднее сопротивляться, которое кажется теперь таким манящим, таким привлекательным и совсем не страшным. Что до сих пор меня останавливало? Твои письма, которые я находил во всех городах, где проходили соревнования.

Везде ты оставляла мне подсказки, где искать следующее письмо, и так до тех пор, пока этапы не закончились. Последний – в твоём родном городе. А в последнем письме ты ничего мне не сказала. Ни намёка, лишь одно предложение, которое разорвало мое сердце на мелкие кусочки, не оставляя больше ничего, кроме черной дыры, огромной и пустой. Эти последние строчки убили меня окончательно, не давая возможности к возвращению в реальный мир. И остается лишь тихо поскуливать от обреченного одиночества и осознания своей никчемности.

Возможно, я слишком сильно любил тебя, чтобы отпустить, чтобы поверить, что отныне мне придется идти по этой жизни одному. Смириться? Это сложно, это невыносимо, это невозможно. Такое было ощущение, словно умерла часть меня, причем, самая важная, жизненно необходимая, без которой невозможно существовать. Это как лишиться сердца, или легких, или сразу рук и ног одновременно. Я чувствовал себя инвалидом, не способным справиться с таким горем. И поддержка наших общих друзей не могла успокоить, приободрить, дать хоть немного сил. Все бесполезно.

«Ты – все, что мне нужно в этом мире»

«Никогда не оставлю тебя!»

А ты соврала. Говорила, что всегда будешь рядом и не уйдешь. Но подло обманула, да еще и не дав возможности попросить прощения за те слова... Это яд. Медленный, сильный,

болезненный, проникающий в мой организм, в мое сознание и отравляющий его. Я бы хотел забрать свои слова обратно, но уже не могу. Ничего не изменить, и я уже не стану прежним. Никогда мое сердце не будет биться без твоих глаз, без твоего дыхания, без твоего смеха.

«Есть еще одно письмо. Ты найдешь его. Просто верь»

Как? Как я могу верить? Почему ты больше ничего мне оставила? Почему так мало? Я хотел бы продлить эти мгновения, ведь каждый раз, когда я находил от тебя записки, то словно на секунду, но видел твое лицо, и губы, произносящие эти слова. Пять писем, которые заново вернули меня на эту землю, к тебе и к твоим посланиям из другого мира. Словно прозрачные, не видимые никому, твои руки тянулись ко мне. Сквозь время и боль тянутся, чтобы я смог дотронуться до воздуха, почувствовать холод в том месте, где должна была стоять ты.

Ветер трепал мои короткие волосы, взъерошивая их. Но мне хочется думать, что это твое нежное прикосновение, твои пальцы перебирают прядки волос на моей голове. И, кажется, что кто-то шепчет мое имя. Открываю глаза и смотрю перед собой – тебя нет, но есть какая-то женщина. Она с грустью смотрит на меня и, не говоря ни слова, протягивает белый конверт. Сердце сжимается, а руки вновь начинают дрожать. Чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, и не стараюсь их удержать. Пусть так. Не стыдно. Эта женщина... Кто она? Твоя мать? Должна быть ею, ведь кто еще будет смотреть на меня с такой тоской и такой болью во взгляде, как не самый близкий человек? Я слишком хорошо ее понимаю. Забирая из рук конверт, медленно киваю в знак благодарности и опять удивляюсь – как же она поняла, что именно мне надо передать это письмо? И почему именно сейчас? Ты сказала ей? Ты просила?

Слишком много вопросов, на которые мне никто не ответит. Трясущимися пальцами распечатываю конверт и достаю лист, сложенный пополам. На этот раз полноценное письмо. Не несколько строк, не одно предложение, как раньше... Последнее? Сердце замирает, а дыхание останавливается. Нет! Я не смогу жить дальше без тебя. Прошу! Не оставляй меня! Слишком больно. Слишком невыносимо. Я никогда не смогу принять того, что ты умерла, что ушла от меня, бросила! Уж лучше бы мы расстались, лучше бы ты ненавидела меня – но была бы жива.

Перед глазами стояла мутная пелена, и я вытираю слезы ладонью, стараясь взять себя в руки. Дрожу всем телом, а ноги больше не хотят держать меня. Приходится опуститься на землю, не отрывая взгляда от белого листка. Мне страшно от того, что я могу там прочесть. Поднимаю голову, встречаясь с серыми глазами женщины, которая стояла рядом, тихонько плача, прижимая платок ко рту. Она ничего не говорила, но было ясно, что меня беспокоить не станет. Видимо, поняла и мою боль утраты.

Разворачиваю лист со страхом. Не хочется обрывать эту нить, что связала нас с тобой, но это неизбежно. Я знаю, что по-другому поступить просто не смогу. Прочту. Умру еще раз, как и за все эти месяцы после твоей смерти.

«У нас скоро годовщина, помнишь? Хотела сделать тебе сюрприз. Именно поэтому и придумала подобные подсказки для тебя. Я знаю, что ты помнишь обо всех наших местах, о каждом уголке на этой планете, где мы побывали. Помнишь мою любимую песню, не забыл, что я люблю по утрам. Эти маленькие сюрпризы, которые готовила целый год, должны стать заключительным этапом для нас. Последнее письмо. В нем все мои чувства и эмоции...»

Что это? Дальше письмо обрывается и чуть ниже, уже другим, более размашистым почерком, написано несколько строк:

«Прости, что не смогла отдать его лично. Последнее, что я могу сделать для тебя – еще одна записка. Прошу, прости, что ухожу. Тебе придется смириться, и я хочу, чтобы дальше ты жил без меня как прежде. Просто забудь обо мне»

Поднимаю голову, встречаюсь с печальным, потухшим взглядом твоей матери. Она медленно качает головой и говорит на ломаном английском:

– Когда ее привезли в больницу, то она была еще в сознании. И единственное, о чем могла думать – о тебе. Попросила, чтобы я дописала с ее слов... – дрожащей рукой указала на

белый листок в моей ладони. – Последние слова... Это ее последние слова... – Слезы потекли по морщинистой щеке, и она больше не смогла ничего произнести, лишь тихонько всхлипнув и отвернувшись к холодному камню.

Знаешь, если бы ты сейчас была здесь, то я снова бы наорал на тебя! Правда, ни секунду не сомневаясь – кричал и ругался, как только умею. Как ты могла так поступить со мной?! Как могла оставить меня?! Больше не сдерживаюсь – кричу, что есть сил. Не думаю о том, что это может испугать твою маму, не думаю, что могут другие услышать меня. Теперь уже все равно. Жизнь закончилась с твоим письмом. Последним. Прощальным.

Я обхватываю себя руками и раскачиваюсь взад-вперед, стараясь унять боль, что клокочет во мне, убивая раз за разом. Невыносимо. Просто невыносимо. Больше никогда не увижу тебя, не услышу твой голос – как ты зовешь меня, произносишь мое имя, смотришь на меня своими глазами и слегка шуришься. Эта привычка запала мне в душу, запомнилась, отпечаталась в памяти, как клеймо. И я больше не могу забыть...

До меня доходит, вот именно в этот момент доходит – ты никогда не говорила, что любишь меня. Да, я и без признания это знал, чувствовал каждый раз, когда мы были вместе, даже по одному взгляду я понимал, что ты любишь. И все же... Не говорила.

Вздыхаю, стараясь успокоиться и больше не кричать, но внутренности разрываются, горят, и я замолкаю. Неожиданно. Резко. И поворачиваю голову в сторону серого надгробия, вновь встречаясь с твоим взглядом на фотографии. В голове, словно что-то щелкнуло – ты должна была оставить мне еще что-то! Уверенность росла с каждой секундой. Да! Ты же не могла бросить меня просто так. Наверняка попросила бы кого-то выполнить последнее желание – грудь пронзает острая боль, но я ее не замечаю, выискивая на твоей могиле последнюю подсказку, последнюю ниточку к тебе.

Взгляд зацепился за маленькую баночку, вроде для свечек, не понимаю. Тянусь к ней рукой, беру. Время словно замерло: сухая листва, угоняемая ветром, останавливается, зависая в воздухе; крупные снежинки, падающие с неба, так и застыли, не долетев до земли; все остановилось – люди, идущие куда-то, замерли в странных позах, вызывающих легкий приступ страха, и моя рука, остановившаяся на полпути. Я держу эту красную баночку, в которой что-то лежит, и не могу пересилить себя, чтобы достать. Голова кружится, к горлу подступает тошнота. Мне, кажется, что я не смогу, не выдержу больше. Ты верила в меня, а я не так силен, чтобы жить без кислорода. Я дышал тобой. Я жил для нас. И теперь каждый день для меня – пытка, словно путешествие по дороге, выложенной острыми лезвиями, впивающимися в мою душу, в мое сердце.

Последняя записка от тебя. Смогу ли я прочитать ее?

Дрожащими пальцами открываю крышку, достаю сложенный листик. Последнее. Ниточка обрывается.

«Я люблю тебя»

Прочитав одну строчку, написанную твоей рукой, я проваливаюсь в пропасть боли и одиночества. Ты ушла, а мне осталось лишь существование. Отныне я не живу. Перестал в тот миг, как мне сказали о твоей смерти.

И эти последние строчки... разбились сердце, склеить которое больше не получится. Я плачу, опустошая себя. Плачу так, как никогда не плакал. Слишком тяжело. Ты все-таки смогла сказать мне это. Смогла. Пусть и слишком поздно для моего ответа. И для признаний. Но мне стало немного легче. Совсем чуть-чуть. И мне начинает казаться, что я смогу осуществить твою просьбу.

«Я люблю тебя»

Вот только не проси меня жить без тебя. Я не смогу отпустить. Не смогу перестать думать. Может, со временем? Но не сейчас, когда рана еще жива и кровоточит. Я буду верен нашим

воспоминаниям, нашим местам. И я сохраню твои письма. Они всегда будут со мной – в моей голове, в моем сердце, в моих воспоминаниях о последнем признании.

Ты сказала сейчас то, что не смогла при жизни. Все-таки ты любила меня и знала, что для меня важно услышать это. Пусть слишком поздно. Но я смог прочесть твои чувства на этом клочке бумаги, смог ощутить на нем тепло твоих рук. Ты навсегда останешься в моем сердце, в моей душе. Я не отпущу тебя совсем. И ты знала, когда писала эти строки, что после них мне будет легче принять. Принять эту правду. Что отныне... я без тебя.

Потому что люблю

Мрачное, серое, затянутое тучами небо словно нависало над головами людей. Первые капли дождя упали на сухой асфальт, медленно, нерешительно, как будто ожидали чьего-то позволения для того, чтобы через несколько минут уже полноправно завладеть этим мрачным городом.

Словно в замедленной съемке, когда ставишь на паузу, а потом с помощью перемотки, кадр за кадром просматриваешь картинку, так и он сейчас видел мир. Сначала злость, потом испуг, сменившийся удивлением и, наконец, ужас.

Все эти эмоции мог спокойно рассмотреть на лицах своих друзей Ваня. Вот, капля дождя упала на капот служебного автомобиля и, скатившись вниз, попала на грязное колесо. Вот, капитан Савельев что-то кричит, его широко распахнутые глаза смотрят прямо на него. Кому он кричит? Ему? Не слышно. Возможно, в этом виноват дождь, его оглушающий стук по крышам машин, по окнам домов, по мостовой.

Взгляд Вани сместился правее, туда, где стоял майор. В его взгляде можно было прочитать те же самые эмоции, что и у Савельева. Почему они кричат? Откуда это выражение ужаса и боли на лице?

Ваня перевел взгляд на Олю, что стояла рядом с ним, в момент..., а что произошло? В памяти, словно дыра образовалась. Он не мог понять, что же произошло, отчего испуганные лица друзей обращены в его сторону? И она... девушка, которую Иван так любил, но боялся признаться в своих чувствах. И почему только сейчас он думает о том, что стоило раньше рассказать?

– Ваня!

Сквозь густую мутную пелену, как из тумана просочился испуганный голос блондинки. Она смотрела на него, широко открыв глаза, в которых плескалась такая буря чувств, что хотелось закричать. Почему? Что произошло? Все поплыло перед глазами, а мир превратился в одно серое пятно. Мозг пронзила, словно игла, короткая вспышка, затем еще одна и еще. А с ней пришла и боль...

Сразу несколько холодных капель упало на лицо молодого человека. Капли острые, быстрые, почти ледяные. Словно пули, летящие с неба, те самые, что сейчас прорезали воздух вокруг, но которых совсем не замечал Ваня.

Сейчас было важно другое – в порядке ли Оля?

– Нет!

Опять до него донесся звук ее голоса, обеспокоенный, наполненный паникой и сильным страхом. Боль пронзала его грудь, словно огромная кошка скребла длинными когтями, раздирая на куски, впиваясь в податливое тело, убивая.

Внутри все горело огнем, дышать было тяжело, а руки вмиг стали очень тяжелыми, словно в них залили свинец. Он хотел сказать Оле, чтобы она не волновалась, что все хорошо, но вместо слов, из горла вырвалось какое-то бульканье.

Ваня почувствовал, как в груди разливается тепло, прогоняя боль куда-то далеко, за пределы его сознания. Тепло убаюкивало, успокаивало, словно пытаешься убедить Ивана, что ТАМ ему будет лучше. Где ТАМ? В мире, где нет боли, нет слез, нет стрельбы и оглушающего дождя. Нет смерти.

А что же сейчас? Что происходит сейчас? Почему вместо привычных ярких красок мира, он видит тусклые, серые оттенки? Почему медленно, неохотно, поднимается земля, а дома падают куда-то в сторону. Нереально, невозможно, странно.

И тут Ваня понимает, что это не дома падают, а он падает. Оседают вниз, крепко удерживаемый чьими-то руками. Он может чувствовать прикосновения к своей спине и груди. Сильное нажатие на грудную клетку, резкий крик рядом, кто-то еще присел возле Тихонова.

В нос ударяет сладкий аромат духов. Ее запах. За столько лет совместной работы он успел изучить все ее привычки, все пристрастия, все, что только можно было.

Плохо слышно, словно в уши ваты напихали. Он старается, силится открыть глаза, выплывая из этого болота, пытаясь ухватиться за что-то родное, что до сих пор удерживало в этом мире, не позволяя уйти, последовать в тихое, спокойное место.

– Ваня! Ванечка!

В голосе слышатся слезы. Она плачет. Если бы были силы, то он непременно улыбнулся бы, стараясь показать, что слышит, что понимает. Но сознание отказывалось возвращаться в мир боли и страха, здесь комфортнее, лучше, тут спасение.

Грудь сильно сдавило, и с губ сорвался стон.

– Ваня!

Наконец, ценой невероятных усилий, ему удалось открыть глаза. Серое скучное небо, крыши домов и... испуганное лицо Оли, склонившейся над мужчиной.

– Ваня! – уже тише повторила девушка, чуть улыбаясь. – Слава Богу! Не отключайся, слышишь? Сейчас приедет скорая!

Он медленно качнул головой, отчего боль с новой силой напомнила о себе.

Какие же у нее красивые глаза: теплые, нежные, родные. Ее улыбка, ее смех, то, ради чего Ваня готов был жизнь отдать.

И отдал.

Столько времени потеряно, столько пустых слов, ненужных разговоров, а ведь достаточно было одной фразы. Страх быть отвергнутым перевешивал все остальное. Он видел, как она встречается с другими, как улыбается им, как целует...

Почему же она не могла посмотреть на него, Ваню, такими глазами? Почему не захотела рассмотреть в нем мужчину, который любил? Искренне, верно, безответно.

– Ванечка.

Голос дрожал, из глаз по щекам катились слезы. А может, это капли дождя, что лил сейчас, заставляя промокнуть всех без исключения. Но Ваня не чувствовал ни холода, ни сырости, ничего, кроме ее теплых рук на своей груди. Ее губы что-то еще шептали, но молодой человек не слышал – слишком тихо, слишком далеко. С огромным усилием он поднял руку и дотронулся до щеки девушки. Та сразу же схватила его ладонь в свою и крепко сжала, словно это поможет, точнее, должно помочь обязательно, и Ваня не уйдет, не сможет, ведь она держит его.

– Почему? – шептала Оля, кусая губы. – Почему?

Ваня посмотрел в любимые глаза и улыбнулся. Разве есть другой ответ на этот вопрос, кроме очевидного? Замечала ли она до этого, какие чувства Иван испытывал по отношению к ней? Понимала ли, насколько дорога и желанна?

– Почему?

Он посмотрел на небо, что, как нельзя, кстати, оплакивало его жизнь, его безответную любовь, его надежды и мечты. Ему очень хотелось бы остаться вместе с ней – не уходить, не умирать, но разве он решает? Нет. В его силах лишь одно – сказать последние слова, на прощание.

– Потому что люблю...

Грудь в последний раз поднялась в глубоком вдохе и опустилась, чтобы застыть уже навсегда.

Оля затаила дыхание, не в силах поверить в то, что его больше нет. Сердце, которое еще секунду назад так сильно билось под ее ладонью, замерло. А вместе с ним замерло все

вокруг: дождь, птицы, люди, не существовало больше никого в эту секунду. Только он, только его последние слова, сказанные с такой любовью в голосе, что хотелось закричать.

Больно. Очень больно! Глаза жгло огнем, а голова кружилась. Оля крепко сжала ладонь Вани и, поднеся к губам, поцеловала.

– Ваня...

Рыдания вырывались из ее груди, смешиваясь с шумом дождя, превращаясь в одно целое, в один сплошной крик боли и страданий. Все внутри сжалось в маленький комочек, пряча в себе гордость, смущение, и, выпуская на свободу, отчаяние и тоску. Оля закричала, крепко зажмурившись и упав лбом на грудь мертвого уже Вани.

– Нет! Нет! Ваня!

Слезы душили девушку, не давая дышать. Она потеряла его навсегда. Вани больше нет, как нет и этих глаз, что смотрели на нее с любовью. Огромная дыра в сердце и душе, пустота, которую уже никто и никогда не сможет заполнить. Слишком поздно для признаний, слишком поздно для ответа...

– Потому что люблю...

И наступит тьма

Сильные порывы ветра, с каким-то неземным остервенением трепали длинные волосы молодого парня, стоящего на краю высокого обрыва. Он не видел ничего вокруг себя, кроме одной маленькой точки на самом дне пустоты; не слышал никаких звуков, потому что в его голове до сих пор звучал ее голос, печальный, тихий, наполненный болью и такой уставший. Он больше не чувствовал ничего, кроме пустоты, поселившейся в его сердце и душе. И теперь он лишь оболочка, тонкая, безжизненная, никому не нужная.

Он совершенно потерял счет времени, не понимал, да и не особо пытался, что или кто окружают его, говорят, ведут куда-то. Голоса... они вокруг него, проникают сквозь плотную завесу тумана, что окутывает его сознание. Нет! Он не хочет больше ничего слушать, не хочет никого видеть! Пусть все оставят его в покое и дадут упасть туда же, в ту бездну, куда минуту назад упала единственная, ради которой стоило жить. Та, которая любила его таким, каким он был на самом деле, без всей этой показной бравады, напускного хамства и злобы. Та, которая готова была жизнь отдать за него и сделала это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.